Артем Северный

Забытые тракты тайги

Сборник рассказов

Страшные истории

Артем Северный

Сборник рассказов «Забытые тракты тайги»

«Автор»
2026

Северный А.

Сборник рассказов «Забытые тракты тайги» / А. Северный — «Автор», 2026 — (Страшные истории)

Забытые тракты тайги— захватывающий сборник таежных хорроров, балансирующий на грани между рациональной городской реальностью и первобытным хтоническим ужасом сибирской тайги. В центре повествования — успешный столичный журналист и этнограф Игорь. Пытаясь сбежать от суеты мегаполиса и отыскать уникальный фольклор исчезающих мест, он отправляется в экспедицию на малую родину.Однако за пределами сотовой связи привычные законы природы перестают работать. Изломанные деревья Кривого Наволока, ледяные ловушки Черных болот, вымерший Пихтовник и заброшенные станции изнанки открывают охоту на живые души. Древний голодный организм леса материализует самые сокровенные страхи и воспоминания, выманивая путника фальшивым уютом и голосами умерших близких. Игорю предстоит пройти жестокий экзамен на выживание, чтобы не стать частью вечных корней проклятой земли.

© Северный А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Оглавление сборника рассказов «Забытые тракты тайги» 5
Предисловие 6
Рассказ первый Глава 1: Дым над вымершей землей 8
Глава 2: Гостеприимство пустоты 10
Глава 3: Тень за столом 11
Глава 4: Подпол 12
Глава 5: Дневник мертвеца 13
Глава 6: Цена рассвета 14
Рассказ четвертый Глава 1: Мёртвая весна 15
Глава 2: Чай на горьких травах 17
Глава 3: Стук из-под земли 19
Глава 4: Те, кто под корнями 21
Глава 5: Вечный покой Пихтовника 23
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Артем Северный
Сборник рассказов
«Забытые тракты тайги»

Оглавление сборника рассказов «Забытые тракты тайги»

Предисловие. Разговор на кухне: «Ты не знаешь, Артем, что прячется в темноте»
Часть I. Мороки заброшенных деревень
Рассказ первый. Дым над вымершей землей
Рассказ четвертый. Вечный покой Пихтовника
Часть II. Те, кто забирает тепло
Рассказ второй. Белый туман и старый крест
Рассказ седьмой. Ледяная колея черных болот
Часть III. Живые корни земли
Рассказ третий. То, что пустило корни
Рассказ пятый. Цена забвения Кривого Наволока
Часть IV. Проводники чужих миров
Рассказ шестой. Реальность с привкусом серы
Рассказ восьмой. Станция полуночных огней
Завершение. Дорога домой: Удачный приезд на малую родину

Предисловие

Разговор на кухне: «Ты не знаешь, Артем, что прячется в темноте»

За окном съемной питерской квартиры на одиннадцатом этаже нескончаемо гудел Каменноостровский проспект. Город жил своей привычной, суетливой жизнью: неоновые вывески модных ресторанов окрашивали низкие тучи в грязно-розовый цвет, фары сотен автомобилей сливались в сплошные светящиеся реки, а где-то внизу, на стыке асфальта и бетона, спешили по домам люди, уткнувшись в экраны своих смартфонов. В этом мире все было подчинено строгой логике, расписанию и цифровому контролю.

Но на тесной, залитой полумраком кухне реальность казалась совсем иной. Здесь пахло крепким, почти осязаемым кофе, остывающим в турке, и горьким табачным дымом, который лениво свивался в кольца под потолком. За небольшим столом сидели двое.

Артем Северный, коренной петербуржец, успешный маркетолог в дорогом шерстяном джемпере, откинулся на спинку стула и с легкой, снисходительной усмешкой посмотрел на своего друга. Артем олицетворял собой мегаполис — уверенный, рациональный, не верящий ни во что, кроме графиков эффективности и банковских счетов.

Игорь сидел напротив него, и контраст между ними был пугающим. На Игоре была старая, выцветшая фланелевая рубашка, рукава которой были закатаны. Его лицо, осунувшееся и бледное, казалось старше на десять лет, а в волосах отчетливо серебрились пряди седины. Пальцы правой руки Игоря нервно, ритмично перебирали лежащий на столе предмет — тяжелый, покрытый старыми забоинами и царапинами разводной ключ, который он почему-то завернул в кухонную салфетку, словно какую-то древнюю, опасную реликвию.

— Брось ты, Игорек, — Артем нарушил затянувшуюся тишину, сделав глоток из своей чашки. Он нарочито громко стукнул ею по столу, пытаясь развеять странное, липкое напряжение, повисшее в воздухе. — Послушать тебя, так мы не в двадцать первом веке живем, а в средневековье. Ты просто переработал. Все эти твои бесконечные полевые выезды, экспедиции по глухим углам, Сибирь... Городской мозг, когда попадает в абсолютную глушь, начинает сходить с ума от банальной сенсорной депривации. Там ведь тишина оглушительная. Вот твоя фантазия и дорисовала чертовщину, проклятые избы, двигатели, замерзающие за секунду, и мертвецов с пустыми глазницами. Ну сам подумай: век технологий! Спутники из космоса каждый метр земли видят. Какие еще «древние боги под корнями»? Какие «хозяева тайги»?

Игорь медленно, словно преодолевая сопротивление невидимой тяжести, поднял глаза. Артем осекся, и усмешка мгновенно сползла с его лица. Ему на секунду показалось, что взгляд друга стал глубоким, холодным и абсолютно пустым — точно такими Игорь описывал черные провалы окон в заброшенных таежных избах, которые мерещились ему в кошмарах.

— Ты не понимаешь, Тёма, — тихо, но удивительно отчетливо произнес Игорь. Голос его прозвучал сухо, с легким шуршанием, напоминающим треск ломающейся на сорокаградусном морозе ветки лиственницы. — Город защищает тебя. Он баюкает тебя бетоном, центральным отоплением и умными гаджетами. Тебе кажется, что весь мир находится под полным контролем человечества, потому что у тебя везде ловит 4G. Но это иллюзия, Тёма. Очень тонкая, хрупкая пленка.

Игорь пододвинул кружку ближе, но так и не прикоснулся к ней. Его взгляд снова вернулся к разводному ключу.

— Стоит тебе отъехать всего на сто-двести километров от последней сотовой вышки, туда, где гравийная дорога сменяется тракторной колеей, а потом и вовсе растворяется в болотной жиже — и правила меняются. Навигатор в твоих руках превращается в бесполезный кусок светящегося пластика. Вокруг тебя встает тайга. И это не просто скопление деревьев, Тёма. Это единый, древний, колоссальный и очень голодный организм. Он был здесь за тысячи лет

до того, как первый человек построил первый шалаш, и он останется, когда наши города обратятся в пыль. Лес помнит все. И он умеет звать.

Игорь положил ладонь на стол, повернув ее внутренней стороной вверх. Артем невольно подался вперед и сглотнул: кожа на ладони Игоря была покрыта сетью мелких, рваных шрамов, похожих на следы от острых сучьев, а у самого основания пальцев она до сих пор хранила странный, глубоко въевшийся серовато-синюшный оттенок, словно ее коснулся необратимый могильный холод.

— Думаешь, я сошел с ума? Думаешь, это галлюцинации от усталости? — Игорь горько, едва заметно улыбнулся. — Я записал эти истории, всю эту рукопись, не для того, чтобы развлечь тебя или напугать перед сном. Это мой дневник. Мое свидетельство. Тайга не просто пугает, она заманивает. Она включает фальшивый, теплый свет в окнах изб, которых нет на картах. Она топит печи среди июльской жары, чтобы ты зашел погреться. Она имитирует голоса тех, кого ты любил и кого потерял. Мой отец, Мишка Королев, баба Марфа... Лес вытаскивает из твоей головы самые сокровенные воспоминания, ломает твою бдительность, заставляет открыть дверь машины или выйти на крыльцо в полночь. А потом... потом время останавливается. Ходики замирают на двенадцати. И приходят они. Те, у кого вместо лиц звериные черепа, те, кто соткан из гнилого торфа и корней.

Игорь бережно взял завернутый ключ и убрал его в карман куртки, висевшей на спинке стула. В его движениях появилась странная, мрачная решимость.

— Завтра начинается мой отпуск, Тёма. Я не останусь здесь. Мой старый «Хантер» уже заправлен, инструмент собран. Я еду туда, на малую родину. В те самые края, где пропал отец, где пустует наш старый дом. Тетка звонила, говорит, дом ждет хозяина. Я должен вернуться. Должен встретиться с этим лесом лицом к лицу, понять, почему он отпустил меня тогда, на Черных болотах и на Кривом Наволоке. И что он хочет взамен.

Игорь поднялся со стула, подошел к окну кухни и посмотрел вниз, на шумящий, залитый электричеством Петербург.

— Я оставляю эту рукопись тебе. Просто прочти ее. Переверни эти **листы**и попытайся заглянуть туда, куда люди стараются не смотреть. И обещай мне одну вещь, Артем. Если когда-нибудь ты окажешься на глухом, забытом тракте, если твоя машина внезапно заглохнет посреди мертвой тишины, а из белого тумана к твоему стеклу выйдет кто-то очень знакомый и позовет по имени... Не верь окнам, Артем. Не оборачивайся. И никогда, слышишь меня, никогда не открывай эту дверь.

Рассказ первый Глава 1: Дым над вымершей землей

Дым над вымершей землей

Старый «УАЗ-3151» хрипел, надсадно кашлял и упорно, метр за метром, тащил Игоря сквозь глухую, налитую первобытной сыростью сибирскую тайгу. Жара в то лето стояла поистине невыносимая. Июльский зной буквально плавил асфальт на тех редких федеральных трассах, что остались далеко позади, а здесь, в изумрудном полумраке столетнего леса, воздух казался плотным, липким, маслянистым. Он был насквозь пропитан тяжелым запахом прелой хвои и закипающей под капотом охлаждающей жидкости.

Стрелка бензобака на приборной панели безвольно и безнадежно лежала на нулевом ограничителе. Старый генератор подвывал на тонкой, жалобной ноте, словно предчувствуя скорый конец. До родного таежного городка, где Игорь не был почти десять лет после своего поспешного, почти панического переезда в огромный, вечно шумящий мегаполис, оставалось еще верст сто по прямой. Погоня за призрачной карьерой, новой жизнью, дорогими костюмами и столичными перспективами заставила его когда-то обрубить абсолютно все связи с прошлым. Но теперь, до предела истощенный бетонными джунлями и бесконечной офисной суетой, он возвращался к своим корням на время короткого летнего отпуска.

Вот только старая отцовская машина сдалась гораздо раньше, чем показались первые дорожные указатели. Когда мотор в последний раз натужно чихнул, выбросил из-под капота густое облако сизого, едкого дыма и окончательно заглох, вокруг мгновенно воцарилась оглушительная, пугающая, ватная тишина. Даже звенящие в раскаленном мареве полчища комаров и гнуса, донимавшие Игоря всю дорогу, внезапно исчезли, словно испугавшись чего-то невидимого.

Летние сумерки в тайге тягучие, но невероятно обманчивые. Темнота наползала на разбитую тракторную колею стремительно, точно тяжелый, грязный театральный занавес. Игорь, чертыхаясь, вышел из душного салона. Сенсорный экран навигатора в телефоне давно превратился в бесполезный, слабо светящийся кирпич — мобильной связи не было уже часов пять. Ночевать в раскаленном за день железном кузове без кондиционера было сомнительным удовольствием, да и оставаться на пустом проселке посреди засыпающего леса дико не хотелось.

Вдруг его ноздри уловили слабый, едва заметный шлейф. Так пахнет березовый дым из свежерастопленной печной трубы. Настоящий, живой дым посреди тридцатиградусной июльской жары. Это казалось глубоко нелогичным, странным, но подсознательная мысль о крыше над головой, горячем ужине и людях мгновенно заглушила любые подозрения.

Игорь пристально всмотрелся в сгущающуюся темноту. Метрах в двухстах впереди, прямо у кромки глухого бора, колея резко раздваивалась, уходя куда-то вниз, в низину. Там, полускрытые вековыми, мохнатыми елями, угадывались неподвижные темные силуэты деревянных крыш.

— Деревня, — вслух выдохнул Игорь. Собственный голос показался ему чужим, надтреснутым и пугающе громким в этой мертвой тишине.

Он подхватил с пассажирского сиденья тяжелый брезентовый рюкзак, запер хлипкую дверь «УАЗа» на ключ и зашагал по разбитой, иссушенной колее вниз, к домам.

Деревня встретила его гробовым, почти осязаемым молчанием. Здесь не было слышно ни привычного вечернего стрекота цикад, ни лая дворовых собак, ни мычания скотины — всех тех звуков, которыми обычно дышит летний живой поселок. Дома стояли серые, покосившиеся, с заколоченными крест-накрест серыми досками окнами. Из-под нависших, полусгнивших крыш на Игоря смотрела глухая пустота. Черные провалы окон заброшенных изб казались слепыми глазницами гигантских черепов, вросших в таежную землю.

Игорь шел по единственной улице, чувствуя, как между лопаток начинает колоть ледяной иголочкой липкий, иррациональный страх. Ему отчетливо казалось, что из этих черных окон за ним кто-то наблюдает. Внимательно, не мигая, со злобным, голодным любопытством.

Вдруг он резко остановился. Почти в самом конце улицы, упирающейся в глухой, непроходимый таежный питомник, стоял небольшой, на удивление крепкий бревенчатый домик. В отличие от остальных развалин, он выглядел абсолютно живым. Тесовая крыша была целой, а из высокой кирпичной трубы в фиолетовое летнее небо поднимался тонкий, ровный шлейф серого дыма. Но что самое странное — ни одно окно в доме не светилось. Внутри избы царила абсолютная, непроницаемая тьма. «Зачем топить печь в разгар лета?» — промелькнула мимолетная мысль.

Игорь преодолел минутное замешательство, подошел к низенькой деревянной калитке и постучал. Звук получился глухим, деревянным.

— Эй! Есть кто живой? Извините, машина на тракте сломалась! — крикнул он в темноту.

Никакого ответа не последовало. Только верхушки старых елей над головой зловеще зашумели от внезапного порыва ветра. Игорь осторожно толкнул калитку — она была не заперта и даже не скрипнула, словно петли кто-то заботливо смазал маслом. Он поднялся по трем крепким ступеням на крыльцо и постучал уже в тяжелую дубовую дверь.

— Хозяева!

Дверь поддалась от легкого толчка. Она была приоткрыта.

Глава 2: Гостеприимство пустоты

Внутри дома пахло сушеными травами, старой древесиной и той приятной, спасительной прохладой, которая обычно сохраняется в бревенчатых избах во время летнего зноя. Игорь перешагнул высокий порог, нащупал в кармане куртки налобный фонарь и щелкнул выключателем. Яркий луч света выхватил из темноты просторные, чистые сени: на кованых гвоздях висели старые ватники, в углу стояли аккуратно подстриженные березовые веники для бани, а у стены — полное ведро с прозрачной водой. На поверхности воды плавал большой деревянный ковш. Игорь, почувствовав дикую жажду, сделал пару глотков — вода была ледяной, сводящей зубы, словно ее только что достали из глубокого подземного колодца.

— Хозяин, я зайду? Извините за беспокойство! — громко спросил Игорь, проходя в основную комнату.

Здесь все было обустроено с удивительным, даже пугающим порядком. Большая беленая печь была теплой — если прислонить ладонь к кирпичной кладке, они приятно грели онемевшую руку. На массивном деревянном столе посреди комнаты стояла глиняная крынка, лежала буханка свежего, еще теплого ржаного хлеба и стояла глубокая тарелка с наваристыми щами. От тарелки шел едва заметный, аппетитный пар.

Все выглядело так, будто хозяин избы вышел буквально на минуту — может, набрать во дворе дров для вечерней растопки или проведать огород за домом.

— Ну, ладно... — пробормотал Игорь, снимая тяжелый рюкзак и устало опускаясь на широкую деревянную лавку. — Подожду.

Он выключил фонарь, чтобы поберечь батарейки. Комнату тут же залил слабый, призрачный свет полной луны, пробравшийся сквозь чисто вымытое оконное стекло. Игорь сидел в полумраке, слушая мерное, успокаивающее тиканье старых ходиков на стене. «Тик-так, тик-так» — монотонно разносилось по избе. Этот звук удивительно убаюкивал, постепенно смывал дорожную усталость и дикое напряжение последних часов.

Глаза Игоря начали медленно слипаться. Разморенный дневной жарой и долгой пешей дорогой, он сам не заметил, как его голова опустилась на сложенную куртку, и он провалился в тяжелый, душный сон без сновидений.

Проснулся он внезапно. Словно от резкого, сильного толчка прямо в грудь.

В комнате было по-прежнему темно, но что-то кардинально изменилось. Первое, что осознал Игорь — это лютый, противоестественный холод. В разгар июльской ночи температура внутри избы упала далеко ниже нуля. Из рта Игоря при каждом выдохе шел густой белый пар. Ладони, случайно коснувшиеся бревенчатой стены, едва не примерзли к голому дереву. Всего за несколько часов теплая изба превратилась в настоящий ледник.

Второе изменение заставило Игоря окончательно похолодеть изнутри.

Ходики на стене больше не тикали. Они стояли. Их тяжелые стрелки намертво замерли ровно на двенадцати часах. Но в абсолютной, звенящей и давящей тишине дома отчетливо, невероятно близко раздавался совершенно другой звук.

Хруст.

Кто-то сидел за столом в полной темноте и жадно ел. Игорь слышал тяжелое, хриплое дыхание, утробное чавканье и то, как чужие зубы со страшным скрежетом водят по глиняному краю тарелки.

Глава 3: Тень за столом

Игорь замер, боясь сделать даже самый минимальный вздох. Сердце колотилось в горле так сильно, что казалось, этот стук заполнит собой всю избу. Силуэт за столом был массивным, неестественно сгорбленным, с широкими угловатыми плечами. В темноте невозможно было разобрать черты лица, но Игорь отчетливо видел, как эта фигура быстрыми, рваными, ломаными движениями подносит что-то ко рту.

— Хозяин?.. — едва слышно, одним только воздухом прошептал Игорь. Рука его медленно, сантиметр за сантиметром, потянулась к карману за фонарем.

Звук еды мгновенно прекратился.

Тень за столом медленно, с жутким, сухим хрустом в шейных позвонках, повернула голову в сторону замершего Игоря. Игорь затаил дыхание. В полумраке, куда падал слабый лунный свет, он не увидел человеческого лица. На него смотрело нечто серое, обтянутое иссохшей, пергаментной кожей, сквозь которую остро и грубо проступали контуры человеческого черепа. Глазницы существа были абсолютно черными, глубокими, пустыми, но Игорь всей кожей чувствовал направленный на него тяжелый, мертвый, фиксированный взгляд.

Пальцы наконец нащупали заветную кнопку фонаря. Игорь с силой нажал ее.

Яркий луч белого света разрезал темноту избы и с силой ударил в противоположную стену.

За столом никого не было.

Тарелка со щами стояла на том же месте. Но теперь еда в ней была покрыта толстым слоем серой, пушистой плесени и ледяной коркой. Буханка хлеба превратилась в сухой, потрескавшийся от старости сухарь, по которому лениво ползали замороженные черные жуки. Крынка с молоком треснула, и из нее на деревянный стол вывалился кусок смерзшейся, гнилостной зеленоватой жижи.

Игорь вскочил с лавки, тяжело и прерывисто дыша. Налобный фонарь дрожал в такт его мыслям, выхватывая из темноты углы избы. Все, что казалось чистым, уютным и обжитым вечером, теперь выглядело так, словно здесь никто не жил последние полвека. Обои отваливались от бревен гнилыми, серыми лоскутами, на полу лежал толстый слой вековой пыли и сухой листвы, а печь была доверху забита старым, обгорелым мусором и костями.

— Что за чертовщина… — прошептал Игорь, пятясь к выходу.

Он схватил свой рюкзак, не разбирая вещей, и в панике бросился в сени. Дверь, которая вела на улицу, была плотно закрыта. Игорь судорожно дернул за металлическую ручку — она не поддалась. Он навалился всем телом, дергал изо всех сил, но тяжелые дубовые доски стояли намертво, словно их наглухо приварили к дверному косяку.

В этот самый момент за его спиной, в глубине дома, раздался тихий, отчетливый звук.

Кто-то вздохнул. Тяжело, со свистом, будто легкие этого существа были доверху забиты сухой таежной хвоей и могильной пылью. И вслед за этим вздохом послышался шорох — шаги босых, иссохших ног по сухому, гнилому дереву пола. Существо медленно шло из комнаты в сени.

Глава 4: Подпол

У Игоря совершенно не оставалось времени на размышления. Лучом фонаря он судорожно метнулся по пространству сеней. Бежать было решительно некуда. Окон здесь не было предусмотрено, только глухие, толстые бревенчатые стены. Единственный выход вел назад, в комнату, откуда стремительно приближался страшный шорох, или…

В самом углу сеней, прямо под кучей старых ватников, Игорь заметил квадратный деревянный люк с массивным железным кольцом. Подпол.

Не размышляя ни секунды, он упал на колени, обеими руками схватился за холодное кольцо и с силой потянул его на себя. Люк со скрипом поддался, обдав Игоря плотной волной удушливого подвального запаха сырости, гнили и чего-то приторно-сладковатого, от чего к горлу мгновенно подступила тошнота. Игорь прыгнул вниз, в кромешную темноту, и в самый последний момент успел потянуть тяжелую крышку люка за собой, захлопнув ее прямо перед тем, как в сени кто-то вошел.

Он лежал на сырой, холодной земле, сжавшись в плотный комок. Сверху, всего в нескольких сантиметрах от его головы, раздались шаги. Они были странными. Шумными, волочащимися, будто существо с трудом переставляло окоченевшие ноги.

Шорк… шорк… шорк…

Существо остановилось прямо над люком подпола. Игорь намертво зажал рот ладонями, зажмурился и выключил фонарь. В подземелье воцарилась абсолютная тьма. Он отчетливо слышал, как над ним, за тонкой деревянной преградой, существо замерло. Прошла минута, показавшаяся Игорю целой вечностью. Затем существо начало медленно, методично скрести длинными ногтями по доскам люка. Звук был невыносимым, похожим на то, как железом водят по стеклу.

Скрип… Скрип… Скрип…

Игорь безмолвно, судорожно молился. Жизнь в сияющем огнями большом городе сейчас казалась ему далекой, недостижимой сказкой, совершенно другой реальностью, до которой уже никогда не дотянуться. Все эти душные офисы, бесконечные звонки, отчеты и дедлайны теперь казались высшим благословением по сравнению с этим земляным мешком. Слезы текли по его грязным щекам, смешиваясь с подвальной пылью. Наконец, шуршание наверху прекратилось. Шаги медленно удалились обратно в глубину пустой комнаты.

Игорь перевел дыхание, но тут же понял, что совершил роковую ошибку. Запах в подполе стал совершенно нестерпимым. Он включил фонарь на самую минимальную мощность и направил слабый луч под ноги, чтобы осмотреться.

Земляной пол подпола был буквально усыпан странными белыми предметами. Игорь присмотрелся ближе и едва удерживал себя от крика. Это были кости. Огромное количество костей. Некоторые из них были мелкими — птичьими или заячьими, но чуть дальше, у самого бревенчатого фундамента избы, лежали крупные, пожелтевшие от времени человеческие черепа. Их было не менее пяти штук. У всех у них были грубо проломлены затылочные кости, а челюсти застыли в немом, вечном крике ужаса.

Но самым страшным было не это.

В дальнем углу подпола, прислонившись спиной к сырой стене, сидел мужчина. На нем была грязная, разорванная штормовка, а на ногах — тяжелые походные ботинки. Его тело полностью превратилось в высохшую, почерневшую от времени мумию. Лицо мужчины навсегда сохранило гримасу первобытного ужаса. В его высохших, костлявых руках был намертво зажат старый советский блокнот в кожаном переплете и обрубок простого карандаша.

Глава 5: Дневник мертвеца

«12 июля 1984 года. Меня зовут Алексей. Если кто-то найдет этот блокнот — знайте, эта деревня проклята. Ее нет ни на одной топографической карте. Мы с ребятами из геодезической партии забрели сюда, когда окончательно сбились с маршрута в разгар дикой летней жары. Дома стояли пустые, но в этом единственном доме топилась печь, горел свет и пахло едой. Мы обрадовались как дети. Мы зашли.

Оно пускает внутрь. Оно кормит тебя. Оно показывает именно то, что ты больше всего хочешь увидеть — уют, прохладу, безопасность, дом. Но все это морок. Иллюзия. Этот дом — ловушка, живой хищный организм, который питается твоим страхом и твоей надеждой. Как только ты засыпаешь, время останавливается. Ходики встают ровно на полночь. И тогда приходит Хозяин.

Хозяин — это не человек. Это то, во что превратились первые жители этой деревни, когда в тридцатые годы их бросили здесь умирать от голода. Они ели друг друга. Последний, кто остался в живых, сошел с ума и стал ЭТИМ. Оно не может выйти за пределы проклятой деревни, но оно искусно заманивает путников.

Миша погиб первым. Оно утащило его прямо с кровати. Мы даже не услышали крика, только хруст костей. Лена сошла с ума от увиденного и сама убежала в ночную тайгу, но я слышал, как она страшно кричала ночью за окном. Теперь я один здесь, в подполе. Дверь заперта снаружи. Оно знает, что я здесь. Оно просто ждет, когда я окончательно ослабну от голода. Окна… не верь окнам… если посмотреть в окно в полночь…»

На этом записка обрывалась. Карандашный след уходил резко вниз, словно блокнот силой вырвали из рук автора.

Игорь выронил дневник. Панический ужас сковал его тело. Значит, все, что он видел — спасительная летняя прохлада, свежий хлеб, домашний уют, которого ему так не хватало в безликих съемных квартирах мегаполиса — было лишь приманкой хищника. И теперь он заперт в самом гнезде человекоядного монстра.

Вдруг над головой Игоря снова раздался глухой звук. На этот раз это были не шаги.

Кто-то ложился на пол прямо над люком подпола. Игорь услышал, как тяжелое, сухое тело с силой прижалось к доскам. А затем сквозь узкую щель между половицами в подпол медленно просунулся длинный, серый, полностью лишенный ногтя палец. Он извивался, словно жирный червь, пытаясь нащупать Игоря в темноте.

И вслед за пальцем сверху раздался голос. Это был не человеческий голос, а жуткая, искаженная имитация, похожая на скрип старых деревьев и шелест сухих листьев. Голос пытался подражать знакомым звукам большого города. Игорь вдруг услышал далекий гул поездов метро, обрывки рекламных вывесок и фальшивый, механический смех, переходящий в шипение. Монстр перебирал его недавние воспоминания, пытаясь найти то, на что Игорь обязательно откликнется.

— Игорек… ну что же ты… возвращайся в свой офис… — прошелестело сверху искаженным, до боли знакомым голосом его бывшего начальника. — У тебя дедлайн… открывай дверь, мы обсудим новый контракт…

У Игоря перехватило дыхание. Монстр читал его мысли, издевательски вытаскивая из памяти образы его суетной городской жизни, чтобы заставить его потерять бдительность.

— Открывай… открывай… открывай… — зашептало вокруг, и теперь этот голос раздавался, казалось, изо всех углов подпола, из пастей тех самых мертвых черепов, лежащих в грязи.

Глава 6: Цена рассвета

Игорь четко понял, что если он останется здесь, то окончательно сойдет с ума и станет еще одним иссохшим трупом в этом подземелье. Страх перерос в глухую, яростную панику выживания. Он мгновенно вспомнил слова из дневника: *«Окна… не верь окнам…»*Но это означало, что окна — единственный путь наружу, если дверь заперта намертво.

Игорь вытащил из кармана рюкзака массивный охотничий нож — единственное оружие, которое у него было с собой. Он резко встал, уперся спиной в крышку люка и со всей силы толкнул ее вверх.

Люк распахнулся. Палец существа с сухим хрустом переломился, и избу огласил дикий, потусторонний, ультразвуковой визг, от которого у Игоря мгновенно заложило уши.

Игорь выскочил в сени. В утреннем полумраке он увидел существо воочию. Оно стояло на четвереньках в дверном проеме комнаты. Длинные, неестественно вытянутые конечности, серая голая кожа, покрытая трупными пятнами, и огромная пасть, усаженная острыми, редкими зубами. Его глаза горели мертвым, желтым фосфорическим светом.

Существо бросилось на него с невероятной скоростью.

Игорь не стал бежать к запертой двери. Он развернулся и прыгнул прямо на стену сеней, где угадывался силуэт маленького, заколоченного окошка. Он выставил вперед рюкзак, защищая лицо, и всем своим весом обрушился на прогнившие доски и старое стекло.

Раздался треск ломающегося дерева и звон бьющегося стекла. Игорь пушечным ядром вылетел наружу, покатился по ледяной, мерзлой траве, обдирая лицо и руки в кровь.

Сзади, из разбитого окна, тут же потянулись длинные серые руки, пытаясь схватить его за лодыжки, но Игорь уже вскочил на ноги. Не оглядываясь, не чувствуя боли от порезов, он бежал вверх по склону, по разбитой колее, прочь от проклятой деревни.

Солнце еще не встало, но небо на востоке начало окрашиваться в нежно-розовый цвет. Фиолетовые таежные сумерки стремительно отступали.

Игорь бежал, пока легкие не начало жечь огнем. Наконец, он выскочил на трассу к своему «УАЗу». Машина стояла на том же самом месте, покрытая тонкой коркой инея. Игорь подбежал к ней, судорожно вытащил ключи из кармана, прыгнул за руль и… замер.

Бензина ведь не было. Генератор был сломан.

В полном отчаянии он повернул ключ в замке зажигания. Стартер тяжело повернулся раз, другой… и вдруг мотор яростно взревел, наполняя салон спасительным шумом и теплом. Стрелка бензобака теперь показывала ровно половину. Навигатор на приборной панели ожил, поймав сеть: «До пункта назначения 98 километров».

Игорь вдавил педаль газа в пол. Машина сорвалась с места, унося его прочь от этого кошмара. Он непрерывно смотрел в зеркало заднего вида, ожидая увидеть погоню.

На дороге никого не было. Но когда «УАЗ» проезжал мимо поворота на вымершую деревню, Игорь на секунду бросил взгляд на лесную опушку.

Там, среди черных елей, стояла тонкая фигура. Она не пыталась его догнать. Она просто стояла и медленно, ритмично махала ему вслед серой костлявой рукой. Хозяин таежного домика не расстроился. Он прекрасно знал, что тайга огромна, а зима будет долгой. И рано или поздно кто-нибудь из уставших городских жителей обязательно снова решит вернуться к своим истокам.

Рассказ четвертый Глава 1: Мёртвая весна

Вечный покой Пихтовника

Дорога кончилась внезапно и бесповоротно примерно за тридцать километров до Верхнего Пихтовника. Дальше сквозь стену леса вела лишь глубокая, разбитая гусеничными тракторами колея, сплошь залитая чёрной, жирной таёжной жижей, в которой по колено тонули бы даже тяжёлые болотные сапоги. Игорь, устало вздохнув, заглушил мотор своего старенького внедорожника. Стало окончательно ясно: эту битву с сибирским бездорожьем железо проиграло, и дальше придётся идти пешком, рассчитывая только на собственные ноги и выносливость.

Он сознательно искал глушь — настоящий, затерянный во времени заповедный край, не тронутый туристами, коммерческой вырубкой и благами современной цивилизации. Игорю, успешному столичному журналисту, до смерти надоели безликие офисные интерьеры, фальшивые улыбки коллег и бесконечный гул мегаполиса. Ему нужен был сильный, аутентичный материал для его новой книги о вымирающих, покинутых деревнях Сибири. И, судя по всему, Верхний Пихтовник полностью оправдывал самые мрачные и смелые ожидания.

Тайга вокруг стояла сплошной, непроницаемой стеной. Столетние, покрытые сизым лишайником ели и могучие лиственницы намертво смыкались своими мохнатыми кронами высоко над головой, почти не пропуская к земле блёклое, холодное весеннее солнце. Воздух здесь казался неестественно тяжёлым, густым, липким. Он оставлял на губах резкий, вяжущий привкус прелой хвои, застоявшейся болотной воды и легкий шлейф чего-то приторно-сладкого, отдающего старым тленом.

Чем дальше Игорь углублялся в лесную чащу, сверяясь со старой советской картой, тем отчётливее его накрывало странное, липкое чувство: этот лес не был неодушевлённым. Напротив, этнографу казалось, что миллионы невидимых, враждебных глаз пристально провожают его из чернильной, непроглядной глубины бора. Ветви деревьев, едва заметно шевелясь в абсолютном безветрии, словно шептали что-то зловещее ему вслед, задевая лямки рюкзака.

К предзакатным сумеркам, когда фиолетовые тени начали стремительно удлиняться, деревня наконец показалась на вершине пологого холма. Открывшаяся картина была по-настоящему жуткой. Из трех десятков бревенчатых изб больше половины уже наполовину ушли в землю. Их тесовые крыши провалились внутрь, обнажая почерневшие стропила, которые напоминали сломанные ребра огромных доисторических животных. В окнах зияла мертвая, глухая темнота. Вокруг не было слышно ни привычного лая дворовых собак, ни мычания коров, ни человеческих шагов. Стояло полное, неестественное безмолвие, в котором даже случайный хруст сухой ветки под подошвой казался настоящим святотатством.

Единственным обитаемым домом на этой мертвой улице оказалась большая, крепкая изба-пятистенок на самом краю поселка, упирающаяся своим покосившимся забором прямо в подступившую вплотную тайгу. Из её закопченной кирпичной трубы струился тонкий, едва заметный сизый дым.

На низкое крыльцо, тихо скрипнув дверью, вышла старуха. Она была настолько сгорбленной и маленькой, что казалась частью самого этого древнего деревянного дома. На голове у нее был повязан старый, выцветший до серости платок, а плечи прикрывала поношенная стёганая безрукавка. Её лицо, испещренное глубокими морщинами, напоминало потрескавшуюся кору старой лиственницы. Глаза, подёрнутые мутной, белёсой пеленой катаракты, смотрели куда-то сквозь Игоря, в пустоту.

— Живой… — глухо проскрипела она вместо приветствия, и её голос прозвучал как треск ломающегося под ногами льда. — Зачем пришёл в Пихтовник, городской? Здесь давно нет жизни для таких, как ты. Возвращался бы, пока след не простыл.

— Здравствуйте, — Игорь постарался улыбнуться как можно дружелюбнее и вежливее, сбрасывая с плеч тяжелую ношу. — Меня зовут Игорь, я писатель. Собираю фольклор, историю исчезающих мест, легенды. Мне сказали в райцентре, что в Пихтовнике еще живут люди.

Глава 2: Чай на горьких травах

Внутри избы пахло сушёными лечебными травами, старым деревом, ладаном и почему-то сырой землей. На бревенчатой стене в красном углу тускло поблескивали старинные иконы, но их святые лики были настолько закопчены свечным нагаром и стёрты временем, что казались просто темными, безликими пятнами. На массивном дубовом столе шумел и исходил паром старый медный самовар.

Марфа медленно, трясущимися руками налила в глубокие глиняные кружки тёмный, почти чёрный горячий отвар. Игорь сделал осторожный глоток и невольно поморщился — вкус у напитка был невыносимо горьким, вяжущим, отдающим болотным мхом и корнями.

— Пей, пей, не кривись, городской, — шамкала старуха, усаживаясь на лавку напротив него. — Это коренья особые, таёжные. Они кровь в жилах греют и страх из души гонят. А страх тебе этой ночью очень понадобится, парень. Ты думаешь, ты в гости к бабке пришёл? Ты в ловушку пришёл, из которой обратного тракта нет.

— Почему вы не уезжаете отсюда, баба Марфа? Ведь тяжело одной в такой глуши, ни аптеки, ни магазина, — спросил Игорь, аккуратно доставая из кармана куртки цифровой диктофон и включая запись.

Старуха мазнула своим слепым, подернутым пеленой взглядом по блестящему корпусу прибора, но ничего не сказала, лишь тяжело вздохнула.

— Куда мне идти, на кого равняться? Я с этой тайгой одной пуповиной намертво связана. Я ведь не просто бабка, я поветунья. Раньше, в прежние-то годы, со всех окружных поселков и приисков ко мне девок везли, у кого роды самые тяжёлые были. И не только девок людских… — Марфа как-то странно, зловеще замолчала, уставившись в чисто вымытое окно, за которым стремительно густела чернильная таёжная ночь. — Лес ведь тоже рожает, Игорь. Но рожает он не людей.

Игорь затаил дыхание, боясь спугнуть откровение. Старуха заговорила значительно тише, её голос стал ровным, монотонным, баюкающим, словно она читала древний языческий заговор:

— Мы ведь здесь, люди-то — пришлые. Деревню эту еще при царе-батюшке основали ссыльные да староверы. Думали, хозяевами земли стали. А истинные хозяева — они там, глубоко под корнями сидят. Древние боги, духи леса. У них и имён-то таких нет, какие человеческий язык выговорить может. Местные туземцы, что до нас тут в чумах жили, звали их просто — Те, кто слушает. Они не добрые и не злые. Они как сама тайга: зимой до костей заморозят, летом гнусом да гнилью заедят, если правил не знать и законы их нарушать.

— И какие же это были правила? — Игорь быстро делал карандашные пометки в своем походном блокноте.

— Простые, выверенные веками. Тайга всегда берёт свою дань. За каждое срубленное вековое дерево, за каждого убитого крупного зверя нужно было платить, уважение выказывать. После заката солнца в лес — ни одной ногой. На крики птичьи или звериные, если они вдруг человеческим голосом поют или плачут, никогда не откликаться, мимо идти. А главное — каждую осень, в день осеннего солнцеворота, вся деревня отдавала лесу «долю». Самую тучную корову из стада, лучший сноп первого хлеба… А если год выдавался голодный, засушливый или мор скотину бил — то первенца. Оставляли младенца на старом каменном капище за Черным болотом. И тайга успокаивалась, принимала плату. Деревня после этого сытно жила, богато, беды не знала.

Игорь почувствовал, как по его спине пробежал ощутимый, липкий холодок. Городской разум отказывался принимать услышанное.

— Вы хотите сказать, что здесь, в Сибири, практиковали человеческие жертвоприношения? В двадцатом-то веке? Это же дикость.

— Практиковали, не практиковали… — сердито проворчала Марфа, стукнув ладонью по столу. — Жить все хотели, а тайга шутить не любит. А потом, в тридцатые годы, приехали из города молодые комсомольцы в кожанках. Сказали — бога нет, чертей нет, всё это кулацкие сказки да поповский обман. Поставили большую механическую пилораму прямо у кромки священной рощи. Стали вековые кедры валить на экспорт, план выполнять. Председатель их, молодой парень из партийных, над моими слезными предупреждениями только громко смеялся. Пошёл ночью в лес с наганом, доказать всем хотел, что нет там никого.

Старуха резко замолчала и сделала затяжной глоток из своей кружки.

— И что с ним стало? — не выдержал затянувшейся паузы Игорь, подавшись вперед.

— Пришёл утром назад. Сам пришёл, на своих ногах. Только наган свой где-то бросил. Сел у ворот на завалинку, смотрит в одну точку перед собой и улыбается так глупо, блаженно. А изо рта у него… зеленая хвоя лезет. Живая. На следующий день он себе сам нож в живот воткнул, кишки наружу выпустил — пытался корни, которые в нём проросли и соки пили, достать. А через неделю Они пришли за всеми остальными. За одну-единственную ночь весь Пихтовник опустел. Кто в лес убежал в беспамятстве, кого прямо в постелях нашли — сухих, серых, без единой капли крови, словно их комар гигантский досуха высосал. Меня одну только не тронули. Потому что я заговор особый знала. Я пуповину леса завязывать умею, долю отдавать. Вот и живу тут с тех пор, сторожу их вечный покой. Или они мой…

Глава 3: Стук из-под земли

Марфа уложила Игоря спать в горнице на старой кушетке. Перед тем как закрыть за собой тяжелую дверь и уйти на свою половину дома, она обернулась и очень строго, не мигая, произнесла:

— Запомни, городской. Ночью, что бы ты ни услышал, какие бы голоса ни звали — из этой комнаты не выходи. В окно ни в коем случае не смотри. И не вздумай дверь открывать, если стучать будут. Тайга гостей любит, да только гости из неё живыми не возвращаются.

Игорь закрыл за ней дверь, заперев её на простой деревянный крючок, и глубоко вздохнул. История бабы Марфы была просто отличной — мрачной, атмосферной, как раз для хорошего хоррор-романа или громкого этнографического очерка в столичном журнале. «Конечно, старуха просто сошла с ума от многолетнего одиночества и тишины, — успокаивал себя Игорь, устраиваясь под тяжёлым, пахнущим пылью ватным одеялом. — Придумала себе древних богов, чтобы хоть как-то оправдать в своем сознании смерть деревни от какого-нибудь тифа или голода в те суровые годы».

Он сам не заметил, как под мерный шум далеких деревьев провалился в глубокий сон.

Проснулся Игорь внезапно, словно от сильного, ледяного толчка в область груди. В горнице стоял лютый, пронизывающий до костей холод. Его дыхание вырывалось изо рта густыми, плотными белыми клубами пара. Наручные часы со светящимся циферблатом показывали ровно 03:14.

Сначала в доме царила абсолютная тишина. Но через секунду Игорь услышал звук, от которого его сердце мгновенно пропустило удар, а кровь застыла в венах.

Тук… Тук… Тук…

Звук шел снизу, из глубокого земляного подпола избы. Это не было похоже на возню грызунов, мышей или естественную осадку старых деревянных венцов. Звук был пугающе ритмичным, тяжёлым, утробным, глухим. Словно глубоко в сырой, промёрзшей земле под половицами медленно билось гигантское, чудовищное сердце. Доски пола под кушеткой едва заметно вибрировали в такт этому страшному стуку.

Тук… Тук… Тук…

С каждым новым ударом Игорю становилось всё труднее дышать, словно из комнаты стремительно выкачивали кислород. Воздух в горнице вдруг резко изменился. Полностью исчез приятный запах сушёных трав Марфы. Теперь пахло могильной сыростью, разлагающимися листьями, болотной гнилью и чем-то ещё — приторно-сладким, тяжелым, металлическим. Так пахнет свежая, еще не остывшая кровь.

Внезапно стук снизу прекратился. Наступила мёртвая, звенящая тишина, в которой Игорь слышал лишь стук собственных зубов от холода. И тут же за окном, со стороны черной стены леса, раздался отчетливый, близкий крик:

— Игорь… Сынок… Помоги мне, мне так страшно…

Игорь вздрогнул и резко сел на кушетке, сжимая одеяло. Этот голос за окном принадлежал его родной матери. Той самой, которая умерла три года назад в реанимации городской больницы на его руках. Голос был абсолютно аутентичным, со всеми знакомыми с детства теплыми интонациями, но в нём слышалась какая-то странная, пугающая механическая фальшь. Словно кто-то чужой, не имеющий человеческих голосовых связок, пытался искусственно воспроизвести мертвую речь, с трудом перетирая между собой сухие ветви и камни.

— Игорь… Ну выйди же ко мне… Тут так холодно… Помоги маме… — жалобно звал голос.

Помня жесткое предупреждение старухи, Игорь изо всех сил зажал уши ладонями и зажмурился. Но подсознательное любопытство и нарастающий, непреодолимый ужас оказа-

лись сильнее разума. Словно находясь в глубоком гипнотическом трансе, он медленно поднялся с кушетки, на ватных ногах подошел к окну и прильнул лбом к ледяному, покрытому инеем стеклу.

Глава 4: Те, кто под корнями

Полная луна светила неестественно ярко, заливая мертвенно-белым, призрачным светом заросший бурьяном двор и ближний край тайги. И то, что Игорь увидел во дворе, заставило его сознание помутиться, лишив возможности даже издать крик.

Из тёмной, монолитной стены леса бесшумно, один за другим, выходили существа. Их было много, не меньше двух десятков. Они были неестественно, уродливо высокими — под три метра ростом, тонкими и угловатыми, как молодые осины. Их тела, казалось, полностью состояли из причудливого переплетения живых, пульсирующих черных корней, гнилой коры и усохших еловых ветвей, которые непрерывно двигались и извивались, словно голодные змеи. Вместо ступней у этих тварей были цепкие, острые корневища, которые с тихим, отчетливым хрустом вонзались в жухлую весеннюю траву.

Но страшнее и отвратительнее всего были их головы. У существ не было лиц. На длинных, изогнутых деревянных шеях покоились огромные, выбеленные временем и дождями звериные черепа — лосиные с тяжелыми ветвистыми рогами, медвежьи, оскаленные волчьи. И в пустых, глубоких глазницах этих черепов ярким, зловещим светом горели фосфоресцирующие зелёные огоньки.

Они двигались удивительно синхронно, плавно, словно плыли или скользили над землей. И все их звериные черепа были одновременно повернуты к одному-единственному окну избы, за которым в оцепенении стоял Игорь.

Один из лесных монстров — самый высокий, увенчанный массивным лосиным черепом — бесшумно приблизился к самому забору. Из его костяной, неподвижной пасти, не шевеля челюстями, снова раздался тот самый голос:

— Игорь… Почему ты не открываешь своей маме? Мы пришли за своей долей… Отдай то, что причитается лесу…

В этот самый момент в сенях дома с оглушительным треском заскрипели старые половицы. Игорь в диком ужасе отшатнулся от окна, едва не упав, и развернулся лицом к двери комнаты. Шаги приближались к его горнице. Они были тяжёлыми, шаркающими, влажными.

— Баба Марфа?! Это вы? Помогите! — хрипло, срывая связки, позвал он, отчаянно надеясь, что старуха придёт к нему на помощь со своими древними знаниями и заговорами.

Деревянный крючок на двери с мясом вылетел из пазов, и дверь медленно, с протяжным стоном отворилась. На пороге стояла поветунья Марфа. Но это была уже не та немощная, сгорбленная старушка, которая угощала его чаем. Её позвоночник неестественно, со звуком ломающихся костей выпрямился, сделав её выше дверного проема. Серый платок упал с головы на пол, обнажая редкие седые волосы, которые шевелились и переплетались сами по себе, словно живые черви.

Кожа на её лице натянулась с такой страшной силой, что лопнула в нескольких местах, обнажая пожелтевшие кости черепа и сухие, лишенные крови мышцы. Из её слепых глаз больше не смотрела белесая катаракта — теперь из пустых глазниц непрерывным, густым потоком текла маслянистая чёрная жидкость, похожая на дёготь. Она пачкала её стёганую безрукавку и с тихим, шипящим звуком капала на деревянный пол, мгновенно разъедая старые доски как мощная кислота.

— Марфа не может прийти, живой, — произнесла она. Но этот голос больше не принадлежал человеку. Это был оглушительный, давящий на барабанные перепонки хор из тысяч чужих голосов — плачущих детских, кричащих женских, хриплых старческих, безумно переплетённых с шумом бури в кронах деревьев. — Марфа отдала свою долю лесу много лет назад. Теперь пришла твоя очередь, городской писатель. Лес ждал новую кровь.

Старуха-чудовище сделала резкий шаг вперёд, протягивая к нему свои высохшие руки. Её пальцы прямо на глазах Игоря начали стремительно удлиняться, ломаться в суставах и превращаться в острые, сухие деревянные сучья.

Глава 5: Вечный покой Пихтовника

Игорь в панике бросился в самый дальний угол горницы, судорожно хватая перед собой свой брезентовый рюкзак, словно этот кусок ткани мог защитить его от древнего, хтонического ужаса тайги.

— Уходи! Прочь! Не подходи ко мне! — закричал он, срывая голос до хрипа и прижимаясь спиной к бревнам стены.

Тварь, бывшая когда-то Марфой, лишь страшно, неестественно широко оскалилась, обнажая голые, черные десны без зубов.

— Тайга никогда не отпускает то, что само пришло в её сердце, — прошелестел многоголосый хор, заполняя всю комнату. — Древние боги под корнями очень голодны. Ты станешь нашими новыми корнями. Твои мысли станут нашей зеленой листвой. Твоя кровь напоит эту иссохшую землю. Засыпай…

В этот самый момент окно за спиной Игоря с оглушительным, взрывным треском разлетелось на тысячи мелких осколков. В горницу хлынул ледяной, морозный таёжный воздух, принеся с собой невыносимый запах столетней гнили и прелой хвои. В разбитый проём окна, ломая раму, хлынули чёрные, узловатые, покрытые мхом ветви-руки тех существ, что стояли во дворе. Они двигались с невероятной, противоестественной скоростью, словно потревоженные змеи, ищущие свою добычу.

Одна из этих тяжелых деревянных ветвей с мертвой хваткой намертво вцепилась Игорю в лодыжку. Острые, как бритва, шипы коры мгновенно пробили плотную ткань джинсов и глубоко вонзились в живую плоть. Игорь закричал от дикой, неописуемой боли. Он отчетливо, физически почувствовал, как через эти шипы в его кровь стремительно впрыскивается что-то ледяное, густое, парализующее. Нога выше колена мгновенно, за долю секунды полностью онемела и потеряла чувствительность.

Он попытался свободной рукой ухватиться за край массивного дубового стола, но существа снаружи потянули его на себя со страшной, нечеловеческой силой. Стол с грохотом перевернулся, медный самовар отлетел в угол, рассыпая вокруг угли. Игорь упал на живот, тщетно и отчаянно пытаясь царапать ногтями старые деревянные половицы, оставляя на них глубокие борозды.

Марфа-чудовище медленно подошла ближе и наклонилась прямо над его лицом. Из её пустых, черных глазниц вязкий дёготь капал прямо ему на лоб и щеки, обжигая кожу как концентрированная кислота. Она бережно, почти ласково приложила свои сухие, деревянные пальцы к его груди, прямо напротив бьющегося в панике сердца.

— Засыпай, сынок… Не бойся… — нежно, оригинальным теплым голосом его покойной матери прошептала она. — Стань частью нашего вечного леса.

Игорь с ужасом почувствовал, как под его кожей, прямо из рваной раны на онемевшей ноге, начинают стремительно прорастать и ветвиться тонкие, гибкие растительные волокна. Они с тихим шуршанием продвигались вверх по его венам и артериям, стремясь к грудной клетке, к самому сердцу. Полное онемение и могильный холод быстро охватили всё его тело. Первобытный страх перед смертью вдруг исчез, уступая место странному, равнодушному, абсолютному спокойствию и безразличию. Глаза Игоря начала стремительно застилать плотная зелёная, фосфоресцирующая таёжная дымка.

Перед тем как его сознание окончательно угасло и погрузилось во тьму, Игорь бросил последний взгляд на пол горницы, где лежал его цифровой диктофон. Маленький красный огонёк записи всё ещё ровно горел в темноте, бесстрастно фиксируя жуткий хруст ломающихся человеческих костей, шорох растущих под кожей ветвей и довольное, сытое урчание проснувшейся тайги.

Через полгода, ранней осенью, в районный центр Сибири приехал наряд полиции по официальному заявлению родственников бесследно пропавшего столичного писателя. Они довольно быстро нашли его брошенный внедорожник на обочине заброшенного тракта. Пройдя пешком по указанному маршруту до Верхнего Пихтовника, оперативники обнаружили лишь пустые, давно развалившиеся деревянные избы.

Дом бабы Марфы на самом краю деревни стоял с широко распахнутыми дверями и полностью выбитыми окнами. Внутри комнат было абсолютно пусто. Никаких следов человеческого пребывания, борьбы или запекшейся крови обнаружить не удалось. Лишь посреди горницы, прямо сквозь прогнившие, сломанные половицы пола, мощно и красиво прорастал молодой, сильный, идеально ровный зеленый кедр.

Один из молодых полицейских случайно заметил в дальнем углу под толстым слоем пыли и сухих листьев маленький цифровой диктофон. Он поднял его, сдул грязь, удивленно обнаружив, что прибор исправен, и нажал кнопку воспроизведения. Но из динамик

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.